

*Дикун Юлия Вячеславовна,
студентка ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»,
группы 09 ЭУП 1*

Моя семья в годы войны

Мой прадедущка Петруханов Андрей Корнеевич родился в селе Тугузтемир (Оренбургская область, Тюльганский район) в 1907 году. Семья жила бедно приходилось трудно.

В 1932 году женился на моей прабабушке Заподобниковой Марии Александровне. Прадедущка был доброжелательным, приветливым человеком. С прабабушкой жили они в небольшом хуторе Заховском в Оренбургской области, куда переехали после свадьбы. Обрабатывали землю, растили детей(у них было трое детей). До войны прадедущка работал агентом в сельском совете, затем лесником.

Началась война. Прадедущка пошёл на фронт. Долго от него не было писем. Кто-то в хуторе пустил слух, что он дезертировал и где-то скрывается.

Вскоре в хуторе стала пропадать живность. Поползли слухи, что Петруханов и ещё один его товарищ, призванные на фронт, скрываются у себя дома. Приезжали участковые, искали везде беглецов, под наганом пытали их жён. Женщины кричали, рвали на себе волосы, а доказать не могли, что ничего не знают о своих мужьях.

Зимой в лаптях отправили их на допрос в село Троицкое. Вскоре узнали кто в селе резал овец.

В 1942 году в феврале получила прабабушка похоронку, где извещалось, что муж её Андрей Корнеевич замучен в плену.

С той поры прошло 50 лет и вдруг на имя моей прабабушки пришло письмо от членов поисковой группы «Альфа» из Минска.

Осенью 1990 года, прокладывая теплотрассу на улице города Минска, на территории воинской части строители обнаружили кости, черепа, обувь. Красноармейцы и гражданские люди лежали штабелями в шесть слоёв, каждый был пересыпан известью, видимо фашисты боялись распространения инфекции. Полуистлевшие остатки одежды, обуви, всевозможные предметы солдатского обихода извлекались из земли. По ним было достоверно установлено, что обнаружено кладбище концлагеря, располагавшемся на Логайском тракте города Минска.

Необычайно тяжёлый и кропотливый труд не прекращался многие дни. И удача улыбнулась людям. Они обнаружили три солдатских медальона. Началась кропотливая работа по установлению личностей погибших, их родственников, розыску очевидцев тех трагических событий. В одном из медальонов на клочке бумаги был записан адрес, Ф.И.О. красноармейца. Медальон принадлежал прадедушке. И полетело письмо из Минска в Тугузтемирский сельский совет с просьбой подтвердить личность, найти родственников. Там же сообщалось о дате перезахоронения останков.

Я хорошо помню, когда бабушка принесла письмо, как плакала прабабушка, которая заново пережила всё, начиная с того самого дня, когда она проводила прадедушку на фронт и как оклеветали её в укрывательстве мужа. Решили лететь в Минск.

А какие мучения приняли на себя люди, грудой, вповалку сваленные в траншею, на митинге в городе Минске рассказывала свидетельница тех событий, подпольщица Зинаида Харитоновна Святкина. На месте захоронения была территория концлагеря. А гражданских людей и красноармейцев в него согнали отовсюду: Андрей Корнеевич Петруханов воевал под Москвой, там же и в плен попал. А смерть свою нашёл на белорусской земле.

2 ноября, когда в Белоруссии проводится обрядовый день поминовения, провели перезахоронение останков замученных в концлагере. Шесть огромных урн с прахом несли советские солдаты к месту захоронения в братской могиле. Передали маленькую урну и моей бабушке (Тамаре Андреевне Болтенковой), дочери Андрея Корнеевича.

- Людям, которые встретили меня в Минске, - рассказывала Тамара Андреевна, - я безмерно благодарна. И в первую очередь заместителю председателя Первомайского райсполкома города Минска А. Н. Новик, старшему лейтенанту запаса Саше Петровскому, который обнаружил медальон моего отца, а потом он руководил группой, которые добывали останки замученных людей в концлагере.

А большинство жителей Заховского, такие же обделённые судьбой женщины-вдовы, как и Мария Александровна Петруханова, очень переживали за неё. Вся жизнь вдовы и её детей прошла на их глазах. Помимо дочери и сына, в семью ещё Мария Александровна взяла приёмную дочь, свекровь, не пожелавшая идти к своим детям, жила с ней до самых последних дней.

Трудно было. Но семья не голодала. Сама Мария Александровна на одной работе не трудилась: днём почту носила, молоко на своей корове на сливпункт возила, по ночам сторожила. И дояркой работала... Лишь бы дети не были голодными, лишь бы не почувствовали себя обделёнными, не заболели бы и не умерли, как трое предыдущих.

Встретилась я с одной из давних подруг Марии Александровны, соседкой по Заховскому Е. П. Фомичёвой. Попросила вспомнить довоенные годы, Андрея Корнеевича...

- До войны он агентом в сельском Совете был , потом лесником работал. Грамотный в общем был человек. Высокий, чёрный, красивый. Да ему и было тогда всего 33 года. Видный был. И очень добрый. С себя последнюю рубаху снимет, а нуждающемуся отдаст. Тамара - дочь вся в него.
- Забрали его на фронт. Потом одна из женщин в деревне клевету на него с другом навела, мол, беглые они, дезертировали. Всю жизнь на них грех был и был и на их семьях...
- Что было то было. Пережили . А я вот что хочу сказать. Хоть я и мало чего понимаю, разбираюсь, но наши правленские не отозвались, никто не пришёл на похороны. Не сказал ничего на могиле. Разве Мария, всю жизнь проработавшая, не заслужила этого? Или Корнеевич не за нас голову сложил? Замучили ведь его...
- Оттуда вон, куда Тамара ездила, и фотографии, и газеты ей прислали. И с почестями похоронили всех, кого нашли. А здесь своего...
- Мы вот после этих похорон собираемся, плачем - и вспоминаем. Вспоминаем- и плачем. Нам всё помнить охота. Не зря ведь вон столько народу на похороны собралось. Жалко, что не все сумели уехать на Заховский. Надо было Тамаре автобус спросить.
- Память об умерших: это глубоко личное дело каждого из нас. Можно помнить , можно и предать забвению. Но пусть пламя свеч, зажженных в память о моём прадедушке в день предания земле его праха на родине на хуторе Заховском, а в его лице и в память о всех погибших в годы войны наших отцах и дедах, братьях и сестрах, матерях, отблеском ложиться на наши души. Пусть отогреются они . Пусть восстанет из небытия память. Мы не должны забывать своего прошлого и уж, конечно же, не дать его повторить....

Урну с прахом прадедушки мы привезли домой и похоронили на хуторе Заховском. Где уже похоронены его мать и трое детей. Так через 50 лет прах моего дедушки вернулся на родную землю.

Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспоминайте погибших за нас.

Там, в толпе, среди любимых, влюблённых,
Среди весёлых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зелёных
На окраины молча спешат.

Им нельзя задержаться, остаться
их берёт этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

Окликать их и звать их -напрасно
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкой грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.

Вадим Шефнер

Когда бесцеремонно в 41
Жизнь мирную нарушила война
Слезами, горечью, разлукой, болью
Наполнилась родная сторона

Мой прадед , молодой тогда, красивый
Обняв жену, поцеловав детей
Ушёл на фронт, чтоб защищать Россию.
Попав в бою неравном в плен

От боли мучаясь, кусая губы
Под пытками жестокими стонал.
Друзей не выдав, Родины не предав,
Он по-геройски, тихо умирал

Немало выпало тогда лишений
В тылу на долю женщин и детей
Всё делалось для фронта, для Победы
А кто ж тогда Победы не хотел?!

И есть о чём задуматься сегодня.

Цена высокая заплачена за мир
О подвиге прадеда помня ,
Я свято верю- мир мы сохраним!

Юлия Дикун